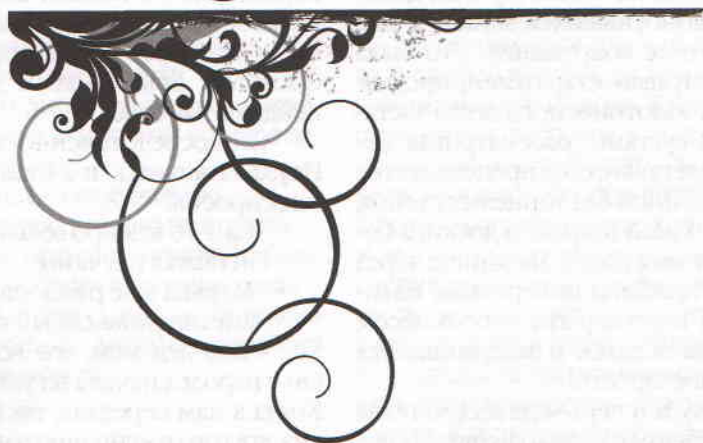

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Феликс КАСИМОВ (г. Димитровград)

из цикла «ЧЕРЕМШАНСКИЕ РАССКАЗЫ»

МАРКИЗ ИЗ СТАРОГО ГОРОДА

От деревушки Борисовки до Мулловки километров десять сплошных лесов. Когда-то здесь были небольшие поселки Красноармейский и Чурка. В первом находилось местное лесничество, во втором была лесопилка, где во время войны делали чурбаки для газогенераторных автомашин. Еще раньше на речке Сосновке работал винокурный завод, построенный в 1706 году симбирским купцом Осипом Твердышевым. До сих пор в лесных чащах сохранились старые земляные валы, обозначающие границы купеческих владений. А от прежних поселков, от ветхих домов и сараев ничего не осталось, только заросли крапивы и обвалившиеся ямы погребов напоминают о пребывании человека.

Сама речушка Сосновка невелика, шириной всего-то не более трех - пяти метров, и воды в ней ниже колена, в любом месте перейдешь. Начинается она в лесном овраге недалеко от станции Бряндино. Во время Гражданской войны по этим глухим местам, скрываясь от наступавшей Красной армии, прошел небольшой отряд знаменитого полковника Капшеля. Белогвардейцы везли штабные документы, но, когда последняя лошадь околела, закопали тяжелый сейф в каком-то овражке.

Понятно, что найти его без специальных приборов можно было лишь случайно, но надежда не оставляла меня. Я понимал, что офицеры не могли вырыть глубокую яму, поскольку лопат у них наверняка не было. К тому же с лошадьё они могли продвигаться только по лесным дорогам. Значит, спрятали сейф в одном из придорожных овражков, присыпав землей и закидав сверху валежником. В таком случае шансы отыскать его были вполне реальными. Так размышлял я, пробираясь по старой едва заметной дорожке, обходя завалы и продираясь через кусты.

Изредка попадались подозрительные овражки, в которые приходилось спускаться, внимательно осматривая склоны и небольшие холмики. Один из таких оврагов привел меня в долину Сосновки. До речки оставался болотистый участок низины метров в тридцать, заросший камышом и осокой. Я уже хотел повернуть обратно, но неожиданно услышал негромкий шум падающей воды. Ощущение было такое, что где-то рядом находился небольшой водопад. Это показалось интересным, ведь здесь, на песчаной почве, твердой преграды для воды быть не могло. Пройдя вдоль речки по направлению доносившихся звуков, я еще издали заметил любопытное сооружение. Это была так называемая «проходнушка» старателей, предназначенная для промывки золотоносного песка. Остановившись, я присел за кустами, рассматривая несложное устройство. Представьте себе продолговатое корыто метра в полтора длиной без торцевых стенок, дно которой сделано из одной широкой доски, а боковые стенки - из более узких досок. На днище через небольшие промежутки прибиты поперечные планки. Поток воды, протекая через корыто, уносит песок, а тяжелые частицы золота оседают и задерживаются на планках. Все гениальное просто!

Кто-то запрудил речку, и теперь вода весело текла по деревянному желобу. Рядом с «проходнушкой» высилась гряда песка, приготовленного для промывки. В песке торчала лопата, но самого хозяина не было видно. Встречаться в лесу с незнакомым человеком, занимающимся таким серьезным делом, не хотелось. К тому же он мог быть не один. Я повернулся, чтобы уйти, но было уже поздно. Послышались быстро приближавшиеся шаги, хруст валежника, и вскоре передо мной оказался крепкий невысокий парень лет тридцати с тяжелым рюкзаком за плечами.

- Здоровы были, - спокойно сказал он так, будто встретились мы где-нибудь в людном месте.

- Здоров пока, - в тон ему ответил я и, покосившись на речную запруду, добавил: - Может, помочь?

- Как же, помоги, - усмехнулся он, - одному не справиться. Да ты не суетись, все нормально. Если не торопишься, пойдем, поговорим, перекурим.

Мы подошли к брезентовой палатке, которую я поначалу не заметил. Рядом было утоптанное место для костра. На вбитых в землю рогульках лежал железный прут и висел закопченный котелок. Два коротких бревнышка заменяли стулья. По всему было видно, что жили здесь не первый день. Он закурил сигарету, предложив другую мне. Я отрицательно покачал головой.

- Что скажешь? - кивнул незнакомец в сторону запруды и добавил: - Удивился, небось, какое здесь золотишко?

- Да, нет, - после паузы ответил я, думая, стоит ли продолжать разговор, - кое-что слышал. Еще знаю, что мало здесь золота и возиться с ним не стоит. - Ты-то намыл что?

Он открыл коробочку, в глубине которой блестяло несколько золотинок, и уверенно сказал:

- Это только начало. За две недели взял. Потом, думаю, будет лучше.

Про местное золото были публикации в ульяновских газетах. Геологи предполагали, что в результате вулканической деятельности в Заволжье могли образоваться не только золотые россыпи, но даже породы, содержащие алмазы. По мнению ученых, небольшие залежи драгоценных минералов должны быть сосредоточены в Мелекесской впадине, неподалеку от Димитровграда. Здесь много родников, вода которых содержит йод и фтор. Эти активные элементы растворяют золото и с многометровой глубины доставляют на поверхность. Однако золота здесь очень мало, и говорить о серьезной добыче не приходится. Все это я рассказал новому знакомому, в шутку посоветовав переходить на поиски алмазов, поскольку это дело кажется более перспективным.

- Если время есть, поройся в разных местах по Сосновке, Ерыклинке и другим речушкам. Может, найдешь камешки.

Он сосредоточенно замолчал, глядя в сторону. Пауза затянулась, и я стал собираться. Надевая рюкзак, спросил:

- Сам-то как про золото узнал?

Он пожал плечами:

- Маркиз мне рассказал.

Заметив удивленный взгляд, пояснил:

- Это дед мой, его все соседи Маркизом звали. Он в городе сначала на улице какого-то маркиза жил. Когда к нам переехал, так и пошло - Маркиз, да Маркиз, другого имени никто не признавал. Теперь и меня так кличут. Дед-то уже умер.

Мы попрощались, но, пройдя несколько шагов, я остановился и, обернувшись, сказал: - Улица маркиза, говоришь? Нет такой в нашем городе, а есть улица не маркиза, а Мориса Тореза. Это итальянский коммунист. Дед твой перепутал, поэтому его так в шутку и назвали. Но ты не расстраивайся, имя-то хорошее. Ну, будь здоров, Маркиз!

Больше мы не встречались. Но однажды около автовокзала меня окликнули:

- Привет леснику! Не узнал? Это я, Маркиз. Помнишь Сосновку?

Старый велосипед, на котором он ехал, и его потрепанная одежда ясно говорили о том, что алмазов найти не удалось.

Я помахал ему вслед.

КОЛОНЧАК

На левом берегу Черемшана, в районе между Старой Бесовкой и Старой Малыклой, множество стариц и лесных озер, оставшихся от прежнего русла. Кривые дороги и старые просеки перегорожены упавшими деревьями и почти сплошь непроезжие. Только по некоторым из них, петляя между пнями и колдобинами, можно добраться до реки. Прежде здесь было несколько небольших поселков, о которых теперь мало

он помнит. На опушке леса находились Ульяновка и Полос, а чуть поодаль Солончак, Заливной, Калининка и Веселый Стан. Мастера давно покинули эти места, ветхие строения разрушились, и лишь странное слово «Колончак» надежно сохранилось. Так теперь называется один из черемшанских яров ближайший к заброшенной деревушке. С нашей стороны подъехать к этому яру несложно, и в прежние годы мы с друзьями частенько рыбачили в этом удобном месте. О тех временах я вспомнил, когда один знакомый попросил вдруг принять его на работу.

- Я же на пенсии, давно не работаю, - удивился я вскопленной просьбе.

Он скептически усмехнулся, давая понять, что ему известно, и продолжал настаивать:

- Ребята сказали, что ты директором стал какой-то фирмы. Ты не думай, я ведь с пьянкой вообще зашибаю. Так что не подведу. Возьми!

- Какой фирмы? - удивился я еще больше.

- Или Солончак, или Кончак - точно не помню.

Мне все стало ясно: он оказался жертвой обычной розыгрыша. Кто-то из общих знакомых, зная о моих рыбацких поездках, в шутку сказал, что я теперь рыбачник Колончака, и это было понято как работа в каком-то выгодном производстве.

* * *

После создания Куйбышевского водохранилища Черемшан заметно изменился. Более пятидесяти километров реки было затоплено, и образовался огромный Черемшанский залив. Течение в низовьях ослабилось, а порой оно вообще прекращается из-за подпора волжской воды. Совсем иначе было в прежние годы, когда Черемшан стремительно нес свои воды и некоторые перекаты напоминали пороги с бурным течением. Шум бурлящей здесь воды слышен издали. Такие перекаты так и назывались - шум первый, шум второй, шум третий.

Свой рыбачий Анатолий Андреевич Кувшинов, в прежние годы, рассказывал, как в молодости забрался на легкой долбленке в далекие верхние яры мимо Колончака, Комарова, Кирпичного и даже до знаменитой Скурихи.

- Рыбачу на берегу большой костер, сам рыбацкий дворост прогорит, засыплю угли песком и в том, как на печке. Сверху лодку положу, один подопру колышком, чтобы воздух проходил - дышать мне не страшно...

В конце жизни, когда было Андреичу далеко за семьдесят, он ничего уже не видел, и на рыбалку не ходил. Иногда мы созванивались по телефону и он рассказывал про свои рыбацкие дела. Мне казалось, что ему неприятны эти разговоры, потому что они лишний раз напоминали о его неза-

видном положении. Но когда я сказал об этом, он горячо возразил:

- Что ты, что ты! Как с тобой поговорим, будто сам на Черемшане побывал. Звони, не забывая старика.

Как и он, я не раз ночевал на берегу, только вместо лодочной крыши устанавливал легкую палатку. Знаю, что многие рыбаки предпочитают одиночество шумной компании. Вместе, конечно, веселее, но когда ты один, то свободнее в

своих поступках. Не понравилось это место, перееду в другое. Захожу - вернусь домой, захожу - останусь еще на пару дней. На реке, вдали от шумного города, хочется побыть одному, чтобы выбранный яр принадлежал только тебе.

Вспоминается душный летний день. Жара угнетала, а слабый ветерок не приносил прохлады. Комары донимали даже на воде. Клева, конечно, не было. Едва стемнело, я забрался в палатку, рассчитывая встать пораньше и порыбачить прохладным утром. Однако ночь выдалась беспокойной. Часа через два я проснулся со странным ощущением чего-то необычного и, выглянув наружу, увидел вокруг множество тускло светящихся точек. Тысячи светлячков мерцали в траве, сверкали на кустах и листьях деревьев. Знакомые с детства жучки перемигивались, общались между собой, предоставив мне возможность незаметно наблюдать фантастическую картину чужой и непонятной жизни. Как звезды в небе, светлячки группировались в удивительные созвездия. Ближайшие из них были хорошо видны, другие едва угадывались вдали. Вокруг было очень темно, все небо закрывали тяжелые тучи.

- Будет гроза, - подумал я, вновь закрыв глаза.

Так и случилось. Налетел ветер, ударил гром, и хлынул дождь. Надежно укрепленная палатка выдержала, и я вскоре крепко заснул под равномерный шум капель. Однако долго поспать вновь не удалось. На этот раз меня разбудили странные звуки. Казалось, что рядом с палаткой ходит какое-то большое животное, жует траву и хрипит.

- Лошадь пасется, - досадливо подумал я, стараясь заснуть. И тут же вздрогнул от неожиданной мысли: какая лошадь?! Здесь, на пустом песчаном берегу, где почти нет травы?

Сна как не бывало. Я открыл глаза и осмотрелся, пытаюсь что-то разглядеть через брезент. Дождь прошел, тучи рассеялись, и на небе ярко светила луна. Тени кустов ложились на палатку. Непонятные звуки слышались совсем близко. Я осторожно прысел, приоткрывая входной полог. Левая рука опустилась для опоры и вдруг наткнулась на что-то мягкое и живое. Раздалось страшное шипение. В ужасе я подхватил это что-то и одним движением выбросил наружу. Существо вылетело из палатки и жалобно мяукнуло.

- Котенок! - облегченно подумал я и откинулся на спину. Затем поманил неожиданного гостя:

- Кис, кис!

Но котенок, напуганный грубым приемом, так и не вернулся. После этого я еще долго ворочался в спальнике, но сон не приходил. Наконец наступил серый рассвет. Утомленный беспокойной ночью, я зябко лежал в палатке, прислушиваясь к шороху падающих с деревьев капель и не решаясь выйти наружу. Через некоторое время вдалеке послышался шум легковой машины. Он постепенно приближался, и вскоре невидимый водитель оказался недалеко от меня. Он проехал прямо на песок, поставив машину за соседними кустами ивы. Затем накачал резиновую лодку и спустился к воде. Голосов не было слышно, значит, приехал серьезный рыбак. Да и кто бы другой решился ехать в такую рань по раскисшей после грозы грунтовке.

Вскоре и я, слегка перекусив, сел в лодку и медленно поплыл к левому берегу, поглядывая на нового соседа. Рыбак был незнаком. Встретившись взглядом, мы сдержанно поздоровались, и я встал на вчерашнее место, где на торчавшей из воды коряге висел мой са-

док. Он деликатно отплыл метров на тридцать, чтобы мы не мешали друг другу.

Утро пролетело незаметно. После грозы рыба брала активно, удалось поймать несколько приличных щук и солидного судачка. Хороший улов был и у соседа. Плавая по яру и меняя места, мы обменивались обычными рыбацкими фразами. Потом солнце поднялось над деревьями, стало жарко, и я решил возвращаться домой. Просушил лодку, собрал вещи, завел мотоцикл и уже хотел двинуться в путь, но что-то заставило остановиться. Оглянувшись, я увидел, как рыбак медленно ползет по песку к машине, волоча за собой лодку. У него не было ног. Когда я подошел, он лежал на спине, закрыв глаза, и тяжело дышал.

- Давай помогу, - предложил я.

- А если бы тебя не было? - ответил он, не открывая глаз, и добавил: - Мне надеяться на других нельзя. А чему быть, того не миновать.

Больше мы никогда не встречались, но мне навсегда запомнился лежавший на песке человек.

ГАЗОВАЯ ТРУБА

Снег падал на мокрый асфальт. Подмораживало. Заканчивалась очередная январская оттепель. Чтобы не валяться дома, я неторопливо собрал рюкзак, вышел на улицу, и полупустая маршрутка за пятнадцать минут доставила меня на место. Пожилой водитель, конечно, знал рыбацкую остановку, но на этот раз проехал мимо, подвозя поближе к реке. Я показал на приклеенное к стеклу объявление: «Высадка пассажиров только в установленных местах». Он улыбнулся:

- Для солидных рыбаков делаем исключение.

- Тогда спасибо, - сказал я и вышел.

- Рыбой отдашь, - донеслось вслед.

Знакомая тропка шла мимо бывшего зверинца, где когда-то держали зубров, потом через небольшой лесок и выходила на высокий берег, с которого хорошо просматривалась вся речная панорама. Слева, за лесистым берегом широкого залива, виднелся прямой участок черемшанского русла, справа, куда я направлялся, простиралось огромное белое поле застывшей реки.

На стволе поваленной березы сидел парень лет тридцати в резиновых сапогах, вязаной шапке и пил пиво. Кисти рук были черными от татуировки. Из стоящей рядом хозяйственной сумки торчала удочка с блесной.

- Припозднился ты сегодня, отец. Садись, место есть.

Я присел рядом с ним, продолжая осматривать реку.

- Закурить нет? - спросил он, отбрасывая пустую бутылку.

Я протянул пачку. Он закурил и поинтересовался: - Сам-то чего не куришь?

- А я вообще не курю, как раз для тебя и взял.

- Для разговора, значит, - усмехнулся он и добавил: - Опоздали мы, всю рыбешку уже захапали.

- Нашу рыбу никто не тронет, - ответил я. - А ты

что не торопиться?

- Со вчерашнего еще не отошел. Кореш, понимаешь, вернулся оттуда (он показал куда-то в сторону). Вот встретились.

Не глядя на меня, продолжал: - Пофартило нам вчера. Выпили, что дома было - мало, а денег нет. Я с блесной сюда. Раз, раз... и на третью проводку - судачок кило на три. Схватил его (он показал, будто сунул рыбу подмышку) и к девчонкам в прачечную. Они на бутылку и курево сразу дали. Так хорошо посидели...

Он помолчал и без всякого перехода неожиданное спросил: - Ты вчера Клинттона по телеку смотрел?

- Вообще-то не очень.

- Зря! Мужик, видно, серьезный. Сначала так стоял (он встал и скрестил руки на груди), потом так (парень подбоченился и засунул руки в карманы). Ну, блатарь!..

Заметив мою улыбку, протянул руку: - Володька. А тебя как?

Я назваля.

- Дзержинский, значит. Тогда шагай первым, начальник.

* * *

Когда-то здесь был городской «пляж строителей», потом его закрыли из-за соседства городских сбросов, поставили земснаряд и начали добычу песка. Образовалась огромная яма, глубиной до пятнадцати метров, в которой на зиму прежде скапливалось много всякой рыбы. Год от года ее становится все меньше и меньше, но местные рыбаки по-прежнему стремятся сюда. Многие из них браконьерствуют, ловят, как у нас говорят, «косынками». Так называют небольшие сетки, которые вяжутся из тонкой лески и делаются треугольной формы, чтобы удобно было вынимать их из маленьких лунок. Вот и сейчас по льду бегало несколько десятков человек с бурами и косынками,

Стараясь угадать направление движения стаи и поставив сетку на ее пути. По случаю каникул было много мальчишек. Для ускорения дела работали парами: один бурил лунку, второй переносил и опускал сетку. Ша густера и удачливые рыбаки вытаскивали сразу по несколько штук. Я тоже решил здесь порыбачить, но отошел немного в сторону, понимая, что около толпы мне с зимней удочкой делать нечего. Володя присел рядом, готовя свои снасти. Вдруг раздался резкий свист, и все рыбаки бросились к противоположному берегу. Два сотрудника рыбнадзора в камуфляжной форме быстро приближались к толпе браконьеров. Лед мгновенно опустел, только я остался в центре белого поля. Молча пройдя мимо, сотрудники стали вынимать из воды оставленные сетки. Неожиданно один из них бросил к моему рюкзаку пойманного подлещика, потом еще несколько приличных густеров и судачка.

- Мне же голову свернут, - показал я в сторону толпы.

- Не тронут. Рыба конфискована и принадлежит государству, а тебе даем ее за то, что правильно рыбачил.

Я взял неожиданный подарок и подошел к рыбакам.

- Бери, бери! На всех же не разделишь, а мы свое законим - усмехнулся Володя.

- Теперь можно и домой? - пошутил он.

- Нет, схожу к газовой трубе, ершишек половлю.

- Смотри осторожней, там вчера купались.

* * *

Около водозабора по дну Черемшана проходит магистраль и поэтому это место рыбаки называют «газовой трубой». Река здесь сужается, и ускоренное течение подмывает лед, образуя коварные провалы, не всегда различимые под свежим снегом. Рыбачить надо осторожно, придерживаясь натоптанной рыбацкой тропки. Особенно плохой лед со стороны правого берега и в оттепель туда лучше не подходить. Все знают, что рыбачить в этих местах опасно, но рыба в «трубы» держится постоянно и некоторый доход часто оправдывается хорошим уловом.

В центре реки рыбачил незнакомый человек. Толкая лед буром, я прошел в его сторону и подошел неподалеку. Лед оказался достаточно крепким и предожное чувство близкой опасности быстро улетало хорошо, так что пришлось рыбачить около одной донки. Время летело незаметно, горка подлещиков быстро росла. Часа через два подошел сильный ветер, подул сильный западный ветер и начался снег.

- Надо уходить, - решил я, глядя, как снег покрывает лед. - заметет тропу, тогда не выберешься.

Взяв рюкзак, я двинулся к берегу и уже выйдя на безопасное место, когда за спиной раздался крик:

- Подожди!

На льду торчала голова человека:

- Подожди!

Видя, что рядом не было.

- Только этого мне не хватало, - подумал я, обра-

сывая рюкзак. Снял часы, достал из кармана бумажник, положил все под брезент и быстрым шагом направился к тонущему рыбаку.

- Помоги, я хорошо заплачу, - дикие глаза умоляюще глядели в мою сторону.

- Не ори, сейчас вытащу...

Прикинув расстояние, пробурил две лунки, чтобы удерживаться в них носками валенок, лег на живот и стал протягивать к нему бур. Тонкий лед хрустел подо мной.

- Только не торопись и не дергайся.

Не успел я договорить, как насмерть перепуганный человек схватился за протянутый бур, рывком выбрался из проруби и пополз прямо по мне. Мое лицо уткнулось в снег. Под тяжестью двух тел лед подломился, и мы оказались в холодной воде. Он лежал сверху, быстрое течение тянуло меня вниз. Бур, который я по-прежнему держал в руке, упирался в тонкую кромку льда.

- Все, - мелькнула жуткая мысль.

Но тут же, инстинктивно, совершенно не обдумывая свои действия, я резко поднырнул вбок, сбрасывая человека со спины, рванулся в сторону и, подламывая лед локтями и буром, кое-как выбрался наверх. С одежды текла вода. Встать на ноги было опасно. Пришлось метров десять ползти, цепляясь за неровности льда и старые лунки. Добравшись до надежной тропы, я с трудом встал, отряхнул мокрую шапку и на дрожащих ногах побежал к берегу. Около рюкзака лег на спину, задрал ноги. Холодная вода хлынула из валенок. Потом достал из рюкзака запасные носки и переоделся, натянув поверх сухих носков полиэтиленовые пакеты.

- Скорей домой и выпить, - стучало в голове.

Лежа на льду, я видел, как оставшийся в воде человек пытался добраться до противоположного берега. Он постоянно проваливался, неуловимо вылезал на лед и снова проваливался, истошно крича и призывая на помощь. До берега оставалось совсем немного.

- Надо бежать, пока не замерз, - быстрым шагом я направился в сторону дома.

* * *

Около торгового киоска толпились молодые ребята.

- Держинский, ты что, поплавал! - окликнул меня Володя.

В ответ я протянул деньги: - Возьми бутылку.

Выпив полный стакан и, не отвечая на вопросы, шатаясь, пошел к остановке. Володя шел рядом, поддерживая меня. Он проголосовал проезжавшей мимо маршрутке, машина остановилась, и шофер жестом пригласил садиться. Показалось, что это был тот же водитель, что подвозил меня утром.

- Повезло, - подумал я, усаживаясь прямо на входные ступеньки, чтобы не пачкать сиденья.

Через полчаса добрался домой. Кое-как снял мокрую одежду, залез в горячую ванну и едва не заснул там. Потом выпил, хорошо поел и лег на диван, укрывшись тремя одеялами. Только тогда наконец согрелся и уснул.